

ЕЛЕНА ВОРОН

ПОДЗЕМНЫЙ-
КАМЕННЫЙ

Елена Ворон
Подземный-Каменный

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Ворон Е.

Подземный-Каменный / Е. Ворон — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Что делать, если мир сошел с ума? Лишь недавно он был разумным и добрым; иное дело – сейчас. Люди становятся жестокими, коварными, сребролюбивыми, всюду плодятся доносчики, палачи и просто любители поглазеть на чужие мучения – а древние владыки, хранители здешних земель, теряют прежнюю власть и не в силах поддерживать исконный порядок вещей. Двое юных героев отправляются в путешествие, надеясь спасти мир, катящийся в пропасть. Мужество и стойкость, благородство и великодушие, изворотливость и бойцовские качества помогают им одолеть умных, безжалостных и очень опасных врагов.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Елена Ворон

Подземный-Каменный

Глава 1

Большая туча уверенно сожрала солнце. В один миг все кругом поблекло, потемнело, и знойный летний день прикинулся осенним вечером. Дубы тревожно зашелестели, благодатная тень под ними обернулась зябким сумраком.

Не хватало, чтоб ливанул холодный дождь, принесенный с гор. А то еще и град посыплет – совсем беда. Туча-то – вон какая, в полнеба. И надвигается.

– Зар-раза, – ругнулся Лих.

И покрепче бы сказал, да перед лесным владыкой сдержался. Вытащил из кармана припасенную горсть зерен, бросил под дубы:

– Прими, Лесной-Дарящий, гостинец с полей.

По стволу скользнула юркая белка. Махнула по-летнему невзрачным хвостом – и кинулась подбирать угощение.

Вообще-то лесных владык трое, но дары, по обычаю, несут одному. Неуловимый и Таинственный людьми не занимаются, дела им нет до людей. Зато Дарящий – он Дарящий и есть: накормит, обогреет и кров даст.

Жаль, нет даров для Воздушного-Ветреного; а то попросил бы небесного владыку, чтоб отогнал проклятушую тучу.

Лих зашагал быстрее. Давно неезженная, нехоженная дорога была засыпана прошлогодней листвой, поросла упрямой травкой. Уже едва заметна колея: не досмотришь – потеряешь. А потеряешь дорогу – не дойдешь к каменице.

Хорошо бы туда успеть посуху. А уж домой Лих и сквозь дождь как-нибудь доберется.

Ничего нет хуже ледяной воды. От нее тело немеет, наливается мертвой тяжестью. Руки-ноги не слушаются, сердце затухает в груди, мысли вязнут, будто в болоте. Жить не хочется. Как отец погиб в эту зиму: оступился на обледенелом мостке, обломил ненадежные перильца, да и ухнул в стылую реку, в Смешанку. Одно название, что река, особенно по зиме: воды по пояс, вброд в семь шагов перейдешь. Курица и та, упав, выпрыгнет. А отец из Смешанки не выбрался. Так его и нашли: руки – на присыпанном снежком берегу, а сам в воде лежит, будто каменный. На мокрой спине ледок схватился...

Лих со стоном выдохнул. Когда-нибудь и сам он найдет свою смерть. Вот так же закаменеет и ляжет на дно – в озере ли, в реке ли, в колодце...

Он встряхнулся, отогнал скверные мысли. Поглядел, как там туча на небе. И обомлел: под брюхом у серой тучи летел черный дракон. Длинный, извилистый, с узкими крыльями; морда была опущена, словно тварь что-то высматривала на земле. Настоящий дракон!

Тьфу, пропасть. Привидится невесть что. Никакой не дракон, а просто завихрение в небе, темное облако. Ну и пусть себе длинное, пусть извилистое; всего-навсего облако. Хоть и быстро летит, куда быстрее тучи. И впрямь словно что-то выскивает. Однако вреда от него никакого, дождем не прольется, да и скрылось уже за дубовыми кронами.

Лих заторопился дальше.

Про каменицу он услышал недавно. Подвыпив, сельчане в кабаке не поладили, расшумелись, до драки дошло. Мужиков развели, а случившийся тут же Лих помогал, чтобы стекла не били. За разбитое стекло он готов в горло вцепиться; драчуны про это не знали, но с Лихом не спорили. Уж больно рука у парня тяжелая; такую оплеуху может закатить – мозги выплеснутся. В общем, разошлись почти тихо, только самый пьяный орал, что возь-

мет телегу, доедет до каменицы, камней соберет, привезет в село да закидает дорогого соседа душку. Чем сосед провинился, дядька уже не помнил, но камнями грозился.

Назавтра Лих явился с расспросами. Замирившиеся соседи в теньке потягивали брагу, а Данка, горемычная супружница Юла-пьянчужки, кричала с огорода, что выгонит непутевого мужа из дома. Пусть, мол, по селу побирается. Либо в работники найдется к колдуну; тот, мол, волшебной брагой расплатится. Сколько ни льешь из кувшина, брага все не кончается; а напьешься – глядь: то не брага была, а коровья моча. Вот как колдун пьянчугу накажет!

Соседушки посмеивались, знай потягивали бражку – обыкновенную, без выкрутасов.

Но когда Лих спросил про каменицу, Юл засмушался, затеребил бородавку, заюлил, оправдывая свое имя:

– Не-е, Лих, напрасно пришел. Какая еще каменица? Я про нее говорил?! Что ты брешешь?! Железень, ну скажи, – воззвал он к соседу, – разве мог я тебе камнями грозить? А? Не мог? Вот видишь! Иди себе, Лих, восвояси. Удумать же надо: камнями кидаться! В соседа! Не совестно меня позорить-то?

Лих пошел на огород, к Юловой супружнице. Забрал у Данки тяпку и поработал немного, хоть на самом деле терпеть не мог в огороде возиться. А потом осведомился насчет каменицы: не слыхала ли чего Данка от мужа? Хитрая тетка помощь приняла, но соврала не задумываясь:

– Отродясь не слыхала. На что нам камни-то? Вон деревья – из них и строй, что хочешь. А то глину бери, на посуду. А не по нраву – езжай на ярмарку, покупай стекло. Либо, коли богатый, серебро с золотом.

Тут Данку смех разобрал, до того глупые речи оказались. Она поправила косынку с простенькими домашними кружевами и полюбопытствовала:

– Лишек, голубчик, на что тебе каменица?

– Забор хочу строить, – бухнул правду Лих.

Данка аж побледнела, оглянулась: нет ли чужих ушей? Лих и сам был не рад, что признался. Полетит молва по селу, загуляет по Большим Смешанам сплетня: нашелся, мол, выскочка, вздумал имуществом Подземного-Каменного попользоваться.

– Забор деревянный построишь, – пробормотала Данка, отнимая у Лиха тяпку. – Иди, малой, иди! Накличешь беду... Шагай!

Он двинулся прочь по меже, мимо скудного ячменя и буйных сорняков.

– Лишек! – окликнула Данка.

Он обернулся, и она торопливо выговорила, почти не разжимая губ:

– Про каменицу спроси у колдуна. Глядишь, он чему научит.

Лих так и сделал.

Дядька Марий вопросу был не рад. Его черные брови сошлись к переносью, бесцветные глаза блеснули опасным ледком, отчего Лиху вспомнилась зимняя речка, в которой погиб отец. Он начал было оправдываться и объяснять, зачем нужен каменный забор, но тут колдун смягчился, откинул за спину свои рыжие космы и присел на корточки посреди чисто выметенного двора, принялся пальцем чертить на земле:

– Вот, гляди. Допустим, это село, а тут речка. – Марий изобразил круг и кривую линию реки Смешанки. – Вот наши холмы. – Он указал туда, где над кронами дубов возвышались два лысых холма под названием Ослиные Уши, и нарисовал их поодаль от села. – За правым Ухом начинается дубрава, – палец очертил широкий полукруг, – а сквозь нее идет дорога. Верней, когда-то шла. – От края полукруга протянулась тонкая, неуверенная полоска. – Начало ее ты найдешь: там растут три старые ели. – Колдун вырисовал их тщательно, словно больше всего ему нравилось рисовать елки. – Пойдешь по дороге, минуешь два распадка, потом будет низина с ручьем. Перейдешь на ту сторону и двинешь вверх по ручью. Дубы

сменяются соснами; там и смотри каменицу. – Марий закончил рисовать, выковырнул землю из-под ногтя и поднялся. – Запомнил?

Лих кивнул, и Марий босой ногой затер карту. Ногти у него были красноватые и круглые, похожие на медные монетки. Колдун поглядел Лиху за спину – туда, где за ореховой рощей лежали Большие Смешаны, откуда доносился лай собак и требовательное мычанье коров.

– Каменный забор не спасет, – проговорил он негромко. Бесцветные глаза колдуна на миг показались голубыми, как небо. – Большую беду забор не остановит.

Из дома с наглухо закрытыми ставнями вышла красавица Белана, холодно глянула на Лиха, не ответив на его «Здрассьте, тетя-Лана», и обратилась к мужу:

– За лапы вешать или за хвосты?

В доме творилось волшебство, от которого Лиху следовало держаться подальше. Наверное, оттого и Марийка на двор не выглянула, Лиху не подмигнула. Занята с колдовством, и мать ее не отпустила даже на крыльцо.

Лих попрощался с Беланой и Марием – колдун скупно улыбнулся, Белана не снизошла – и поспешно убрался. Как выкупить у подземного владыки каменицу, он спросит в следующий раз.

Если камней не хватит на высокий забор, можно поставить низенькую оградку. Все равно какую, лишь бы каменную. Она защитит, что бы ни говорил колдун Марий. Кто из сельчан отважится попереть через камень? Сколько браги с пивом в глотку ни вольют, все одно не посмеют. Знают, что Подземный-Каменный безобразий не спустит. Верно Лих придумал: дом за каменной оградой – почти как замок у князя, под надежной охраной.

А от деревянных заборов проку уже никакого. У вдовушки Ирги палками стекла побили, у старого Мякиша крыльцо обрушили, у сестер – шести старых дев – кружевные занавески на окнах порезали. Кружево было заморское, красоты неопишущей; не пожалели. Ничего не жалеют. Сносят ворота, калитки, штакетники – не стыдятся Лесного-Дарящего, плюют на него.

И какой вражина выдумал, будто кончилась сила древних владык? Якобы теперь новый владыка есть, один надо всем: над землей, лесом, водой и над воздухом. А прежних надо, мол, в грязь втоптать, опозорить – и позабыть, словно не было. Князьки гонцы разнесли эту весть, и люди поверили. Колдун говорит: в ложь верят охотней, чем в правду.

Прежде Большие Смешаны и впрямь были Большими Смешанами. На всю округу славились весельчаками да балагурами, песельниками и плясунами. А нынче не Смешаны – Горюны. Стариков обижают, детей бранят, девок таскают за косы. По прошлому году случилось даже, что парни, подвыпив, на дочке старосты юбку пытались задрать; однако этого взрослые дядьки не стерпели, взялись за дубье. Знатно охальников отделали. Девки потом всю осень и зиму за село ходили без боязни. А весной обратно все началось.

Последняя надежда – на каменный забор.

Где бы только узнать, как раствор делают? Может, у того же колдуна? Ему многое ведомо... Лих шагал через распадок. Кругом высились притихшие, помрачневшие под тучей дубы, а ему виделся залитый солнцем дом на окраине, цветник перед окнами, ограда из плотно пригнанных камней. Вдоль ограды мать ползучие розы посадит, их плети по камню раскинутся. Поверху надо чаши поставить, в них сестрицы тоже что-нибудь высадят. Цветы будут из чаш выплескиваться, как фонтаны в княжеском парке.

А у калитки Лих на камнях портреты вырежет. Перво-наперво отца с матерью изобразит, потом Марийку. Да: Марийку, а затем уж сестриц. И бабку Заряну, само собой, Лих не забудет. Заряна – отцова мать, в Малых Смешанах живет. Лих ее крепко любит. А бабку Люту, с материнской стороны, вырезать в камне не станет. Перебьется Лютая бабка. Лиху от нее житься с детства не было, она и отца терпеть не могла. Из-за Лютой бабки мать с отцом

плохо ладили, не иначе. Лих, когда маленький был, не раз ночью слышал, как за стенкой мать просила: «Не надо, а? Ну, не надо! Не хочу...» Он не понимал, чего «не надо», но слышал, как стонала кровать, когда отец поднимался, как жаловались под тяжелыми ногами половицы. Отец уходил на крыльцо и сидел там подолгу. А Лих не спал, ждал, когда он вернется в спальню и уляжется, и за стенкой все станет мирно. Он бы побежал мать выручать, но отец ее никогда не обижал. Раз только Лих услышал, как он буркнул, вернувшись: «Дура ты! Чего боишься? Стара уже, не понесешь». Что и куда мать не понесет, Лих не понял, но она заплакала, и Лих примчался. Отец ему наподдал и выставил вон, и наутро его с постелью и игрушками перевели в другую комнату, от родительской спальни подальше.

Сейчас-то Лих разбирает, что к чему. Не желала мать отцовой ласки, гнала его от себя. И детей от него не хотела. А ведь он ли ее не любил! Подарки с ярмарок привозил, работу тяжелую не позволял делать, прилюдно милушкой своей называл, не стеснялся. А она – не любила, видать. Мать свою, Лютую, слушала. А коли на Лиховых сестриц поглядеть... лучше уж не глядеть, право слово. Лих выбил бы зубы, назови кто его мать гулящей. Да от правды не убежишь: сестрицы Лиху не родные – не отцовы дочери. Неспроста Лютая бабка на них не надышится, красавицами да умницами называет. А ничего в них особенного, девки как девки. Всех заслуг – от стороннего дядьки прижиты, не от нелюбимого зятя.

Тетка Белана тоже Лиха не жалует. Мол, незавидный жених для Марийки. Большой, как медведь, неуклюжий, медлительный. Если дождь, из-под крыши не выгонишь. Что за работник? Права она в чем-то, тетка Белана.

Но с другой стороны, еще как посмотреть. Бабка Заряна – отцова мать – недавно сказала: «А пускай Белка другого жениха своей колдуновне поищет. Набегается-то по селам, ноги до колен сносит. Где найдет смельчака, что готов с колдуном породниться?» Лих не считал себя особо смелым, но Мария не боялся, а Марийку любил.

Вот и ручей, про который толковал колдун. Не широк, не глубокий, но быстр и с виду страшно холоден. Наверняка ключи из-под земли бьют, ледяные – бр-р-р. Старый мосток сгнил, провалился; бревнышки мхом поросли.

Лих с тоской огляделся. Огромный дуб не заломает, чтобы через ручей перебросить. Пару крепких веток срубить можно было б, да топором не запасся. Подумал дома: жалко будет рубить, как-нибудь переправлюсь. Ага! Вот снимай башмаки да штаны, шлепай вброд. А потом и обратно, уже под дождем.

Он задрал голову: что там туча? В просветах меж кронами виднелось тяжелое серое брюхо чудовища. Вот-вот хлынет.

В одном из просветов показалось черное. Извивалось, тянулось давешнее облако. Уж не дракон ли и впрямь? Никто их не видел; вдруг они как раз такие? Лих шагнул к ближайшему дубу, положил ладонь на чуть теплую, грубую, но родную кору, шепотом обратился к Лесному-Дарящему. Не от всякой напасти уберезет владыка, но порой нет-нет да и поможет.

Черное ушло – не видать больше. Вот и ладно. У Лиха есть дело важнее, чем пугаться дурных облаков.

Спыхватившись, он запоздало поклонился ручью, сказал уважительно:

– Здравствуй, Водяной-Текучий.

Быстрая вода журчала вокруг гнилых бревнышек, неслась меж травянистых бережков. Может, и ответил водный владыка, да Лих не разобрал.

Он разулся, закатал штанины повыше и с башмаками в руке шагнул в прозрачный поток.

Ступни ушли в глинистое дно, глина жадно схватила добычу. Лих пошатнулся, уцепился за гнилое бревнышко, сломал, чуть не грохнулся. Ноги свело острой болью. Охнув, он с трудом вытащил наливающуюся каменной тяжестью ногу из глины, переставил вперед. Перенес вес тела. Снова ухнул вглубь, взмахнул руками, шлепнул башмаками по воде,

окатился холодными брызгами. Гадость! Вперед. Шаг. Еще один. Здесь дно повыше. Рывок – и Лих на берегу. Уф-ф.

Он плюхнулся наземь и принялся растирать нестерпимо ноющие ноги.

– Зар-раза! – ругался, кривясь от боли. – Вот же др-рянь!

С языка рвались и другие слова, но Лих удержал их, чтобы не гневить владык.

Он натянул башмаки, со стоном поднялся. Впредь будет умнее: не дубы пожалеет, а себя самого. На едва гнущихся ногах Лих поковылял вверх по течению. Водяной-Текучий ехидно посмеивался в ручье.

Началась болотина, под ногами захлюпало. На душе стало муторно. Благородные дубы остались за спиной, а тут – ивняк да ольшаник. Где сосновый бор, что обещал дядька Марий?

Однако вскоре сделалось суше, вернулись дубы, а там и сосны впереди завиднелись, на высокой гряде. Посветлело, и Лих повеселел, ноги пошли шибче.

Он взобрался на грядку. Мох здесь был белый и сухо хрустел. А ягольник-то какой! Сплошной ковер. Лих сорвал горсть бледно-розовых ягод, бросил в рот. Кислятина недозрелая. Однако плюнуть нельзя: лесного владыку обидишь. Пришлось проглотить, но уж благодарить Лих не стал.

А вот и заветная каменица.

Камни лежали опрятным холмиком, выглядывали из-под мха. Кругом мох был белый, хрусткий, сухой, а их затянуло зеленым и мягким. Лих приблизился, поклонился сперва каменице, затем – соснам вокруг. Камни молчали, с сосен же упало несколько шишек; одна стукнула Лиха по маковке, и он улыбнулся в ответ на приветствие. Сел на корточки, разглядывая сокровище.

Чудо что за камни. И глазу видно, и подо мхом угадывается: замечательные. Округлые, гладкие, как на подбор. Серые, синеватые, с прозеленью, а вон даже лиловый виднеется, и белых несколько. Славная выйдет оградка, хоть и низенькая. Маловато камней, высокую стену не сложишь...

Лих призадумался. Откуда ей взяться здесь, такой каменице? Ладно еще грядка, на которой сосны выросли: грядку подземный владыка из земли выпятил. Но камни – владыка же их тут не складывал себе на забаву? Нет, конечно. Выходит, люди привезли. Давненько, наверное. Кто теперь разберет, зачем это понадобилось.

Пронесся порыв ветра, сосны зашумели, заскрипели ветками, но Лих не заметил. Затаив дыхание, он коснулся лилового с белыми жилами камня. Камень был ласковый, дружелюбный.

– Здравствуй, приятель, – сказал ему Лих и погладил, как кота.

Камню это понравилось.

Лих погладил шершавые бока еще несколькими, поговорил с ними дружески. Они поняли, что он сказал. Отличные ребята.

Однако пора уходить. Лих окинул каменицу прощальным взглядом. Слов нет как хороша.

Оно и к лучшему, что ее люди сложили, а не Подземный-Каменный. Раз камни эти когда-то взяли, значит, тогда же и выкупили, и подземному владыке они не принадлежат. Людей, бывших хозяев, тоже нет. Поэтому камни может невозбранно взять себе любой. Этим человеком будет Лих.

Он поклонился каменице, прощаясь. И лишь сейчас расслышал, как свистит в кронах ветер, как стучат падающие шишки. Небо было темным, будто к ночи. Надо поспешать.

Лих начал спускаться по крутому склону гряды, стараясь не поскользнуться. Грохнешься тут – костей не соберешь. А с собственными ногами Лих, известное дело, не дружит. Частенько подводят они хозяина: запнутся обо что-нибудь, оступятся, а то бредут еле-еле, когда надо спешить. Да уж, справный муженек достанется Марийке! Лих улыбнулся,

придерживаясь рукой за коряжину и тщательно выбирая, куда ставить ногу. Это он сейчас неуклюжий да медленный. А рядом с Марийкой – совсем другой человек. И проворство в нем появляется, и небывалая ловкость, и прыть. Он даже бегать может не хуже Марийки, а уж она-то – быстрокрылая ласточка, ее словно ветром несет...

Зашлепали редкие капли. Хоть бы дала проклятая туча через ручей переправиться, а там бы и проливалась – так нет же, не дотерпела.

Между сосен что-то мелькнуло – белое, блестящее. Лих заметил краем глаза, но рассмотреть не успел. Повернулся. Ничего нет. Тьфу, пропасть. Полдня всякая ерунда чудится.

Ах, хорь! Нога поехала на сухой ветке, Лих покачнулся – и грохнулся на спину, покатился вниз. Благо, невысоко, уж почти спустился.

Он сел, потер затылок. К счастью, затылок крепкий, с одного падения не проломишь. Лих поднялся, сдерживаясь, чтобы не обругать дурную ветку. Все ж таки она в ведомстве Лесного-Дарящего; негоже сердить владыку.

На голову шлепнулась тяжелая капля, другая угодила в плечо. Лих заспешил под дубы на краю болотины. Надо укрыться и переждать. Тучи с гор надолго не задерживаются, неизменно улетают дальше.

Капли мрачно лупили по листьям. Лих прислонился к корявому стволу, погладил его, как родного.

Почудилось: неподалеку брякнул металл. Лих повертел головой, выглянул из-за дуба. Ничего не видать. Однако снова ясно услышалось: звяк металлической цепи.

– Эй, кто здесь?

Разбойники, что ли, к нему подбираются, думают цепью сковать, рабом сделать? Экая чушь. Отродясь в здешних краях разбойников не водилось. Откуда им взяться, коли за порядком следят владыки всего сущего? Да ведь болтали князьи гонцы: кончилась сила древних владык, новый в силу вошел. Тот, что один за всех теперь будет. Видать, князю новый владыка – покровитель отменный, и всякие безобразия ему по душе. Может, оттого и разбойники завелись?

Лих нашарил на поясе нож, сжал рукоять. Нож-то славный, отцом даренный, да проку что? Кулаками махать Лих горазд, и то не быстро, а ножом только игрушки для сестриц вырезать умеет. Людей резать он не мастак.

В кронах пронесся ветер, и кто-то шепнул: «В твоём доме – беда!» Лих ясно расслышал, не обманулся.

Он бросился бежать. Тяжко топал в своих башмаках, чавкал по сырой болотине. По лицу хлестали мокрые листья, сверху сыпались частые капли – не замечал. Скорей, скорей!

Не успеть. Что бы ни стряслось – никак не поспеть, не помочь, не спасти. Все равно надо бежать что есть сил. К тем, кто останется. Кто встретит его на пороге – в слезах ли, в крови. Скорей!

Обрушился ливень. Мощные струи ударили по кронам дубов, с потерями пробились сквозь листья, посыпались густой капелью. Лих уже вымок до нитки, но было не до того, и он мчался сквозь дождь, словно посуху.

Вот и остатки мостка. Вода рябая от капель. Не помедлив, Лих кинулся в ручей, думал миновать в три прыжка. Ноги увязли в глине. Затем попались лежащие под водой скользкие бревна. Лих запутался в них, потерял равновесие – и бухнулся в ледяную воду плашмя. С головой окунулся, хлебнул отвратительной едкой дряни. Нет, показалось; всего лишь вода. Но какая холодная! Он приподнялся, руками опираясь в дно, плотнул воздуха. Руки разрезались в жидкой глине. Лих попытался встать. Ноги опять заплелись – теперь уже в сучьях каких-то, в затонувшей коряжине. Водяной-Текучий, отпусти!

Руки пронзило нестерпимой болью. Они подломились, Лих ушел лицом в воду. Страшная боль схватила бока, живот, ноги. Пополам разломила голову. Это смерть. Так и отец погиб... Но Лиху надо домой! К матери, к сестрам. Домой – там беда...

Он рванулся, приподнял голову над водой, слабо отфыркиваясь. Темно: зрение погасло. Боль ушла, однако и силы – тоже. Холодно. Тело безнадежно немеет. Водяной-Текучий, на что тебе моя смерть?!

То ли водный владыка усовестился, то ли вступился Лесной-Дарящий – но что-то случилось. Лиха подняло из воды. Он ничего не видел, не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой – однако его упорно тащило вверх, на твердый берег. Вытащило. Он завалился на бок, как деревянный болван – нелепо скрюченный, слепой, едва дышащий. Дышать стало ненужно, и он перестал. Только услышал, как застучал по веткам и земле внезапный град – точно камешки с неба посыпались. Если бы камни, пожалуй, Лих бы очнулся. А коли град – так и незачем жить...

Вдруг стало сладко и горячо, будто сунул в рот ложку с вареньем, которое кипит на плите. Сладкий огонь потек внутрь, разошелся, размягчил окаменевшее тело. Лих задышал, потому что дышать стало легко и естественно. Приоткрыл глаза. Ощутил, как по спине лупят тяжелые градины. Гадость! Он собрался, подтянув под себя руки и ноги, поднялся на четвереньки и вслепую пополз. И полз так, пока не ткнулся головой в дерево. Кое-как развернулся, привалился боком. Замер, впитывая жизненную силу дуба. Благодарю тебя, Лесной-Дарящий.

Хлестал ледяной дождь, сыпали крупные градины, покрывали ошеломленную землю. С Лиха ручьями текла вода, но он был живой и горячий. Согретый. Спасенный. «Домой! – велел кто-то. – Успеешь!» Он поднялся и вновь побежал, хотя в жизни не бегал сквозь дождь с градом. В глазах прояснилось. Лиху даже почудилось, что вдалеке опять мелькнуло белое и блестящее, похожее на стекло.

Град прекратился, с ним и дождь перестал. Туча ушла, и неожиданно открылось солнце – вечернее, низкое, но еще теплое. Оно заискрилось, заиграло на листьях, и даже белая россыпь на зеленой траве показалась не такой уж отвратной штукой.

– Успею, – шептал Лих на бегу, подбадривая сам себя. – Вот увидишь: успею.

Сквозь липы у дома лился золотой закатный свет, когда Лих распахнул калитку.

Перво-наперво: дом цел, постройки тоже. Правда, из будки не выскочил Ясный, не залился радостным лаем; где он? Лих пробежал по дорожке к крыльцу, и лишь тут заметил, что с цветником неладно. Роскошные клумбы, которыми мать занималась больше, чем огородом, были разорены. Прощальный рассеянный свет золотил поломанные стебли, смятые головки, оборванные увядающие плети. Плющ, прежде густо увивавший крыльцо, был безжалостно сдернут, завернувшиеся листья показывали изнанку. Дрожали на земле, словно стыдясь своей беспомощности.

Лих стиснул зубы. Сжал тяжелые кулаки. Поднялся на крыльцо, рванул дверь.

В светлых сенях – на веранде, по-новомодному, – порядок. Здесь не бесчинствовали.

Он ввалился в горницу. Из вечернего сумрака на Лиха уставились две испуганные мордашки с косичками и два белых лица, обрамленных кружевными косынками. Обе сестрицы, мать и бабка Люта молча сидели у пустого стола.

Лих разжал кулаки, расцепил закаменевшие челюсти.

– Что тут у вас?

Из-под стола вылез мохнатый клубок, процокал когтями по половицам. Неуверенно шевельнул хвостом, ткнулся носом в колени – и упелся обратно под стол.

– Что тут? – повторил Лих севшим голосом, сдерживаясь, чтобы не грохнуть по столу кулаком. Не разнести бы в щепы добрую вещь. – Кто безобразничал?

Семейство молчало. На полу зачесался Ясный, застучал лапой.

Лих зажег масляную лампу – цветного стекла, с завитушками, из самой столицы – и в ее желтом свете взгляделся в лица матери и сестрам. Зареванные, опухшие. Одна бабка Люта не зареванная, а злая.

– Кто приходил? – придушенно вымолвил Лих. На таких-то, зареванных, и не рявкнешь как следует.

– Огневичи, из Малых Смешан, – вполголоса ответила бабка. Странно было слышать от Лютой тихие слова; вообще-то бабка она громогласная.

– Сколько? – Лих уселся на лавку, сложил руки на столе, чтоб были под приглядом. Неладно будет, если взбесятся и натворят бед в доме.

– Толпа, – шмыгнула носом сестрица Румяна, но младшая Карина поправила:

– Четверо.

– И самого меньшого взяли, дубье об них обломать, – добавила бабка. – И сестер привели, хори поганые! – Голос Лютой окреп, ему возвращалась прежняя сила. – Но девки в цветник не пошли, с дороги визжали, б... – Бабка прикусила язык, глянув на внучек.

Румяна приободрилась и зачастила:

– Вот и нагрянули всей толпой. Будем, мол, власть князя укреплять. Через нового владыку, да. Старых, то есть, топтать и отменивать...

– Отменять, – поправила младшая.

– И ну отменять в наших цветах! Рвали, топтали, швыряли. Ясенек, бедный, лаял – надрывался... его пинали! – По круглым щекам Румяны скатились слезинки.

– Два раза пнули. Самый старший и младший, – уточнила Карина.

– Помолчи, умная! – вмешалась мать. – Обе языки придержите!

Она повернулась к сыну, но вдруг отчего-то смутилась, спрятала руки на колени, под вышитый фартук. Лих успел заметить, что руки исцарапаны, на костяшках – ссадины. Неужто мать дралась с дурными мальчишками?!

– А вы что? – спросил он, наливая медленной яростью.

– Мы их водой обливали, – сообщила Карина. – Прямо из колодца. Бабушка кнутом стегала и крапивой. Но они не боялись. Хохотали и...

– Помолчи! – оборвала мать и поднялась с лавки. – Пришли и ушли. А цветы новые вырастут. Лишек, обедать будешь?

– Буду. Огневичами. Сейчас пойду и вразумлю поганцев. А после разумными пообедаю.

Сестрицы захихикали, и даже бабка Люта усмехнулась. Однако мать сверкнула глазами, уперла руки в крутые бока:

– Никуда не пойдешь!

– Пойду.

– Ты слышал, что мать сказала? Не пойдешь!

– Пусть идет, – впервые поддержала внука Лютая бабка.

Если б не пил он сегодня сладкий огонь и не бегал сквозь дождь, то и не понял бы, почему бабка на его стороне. А так смекнул: она думает, что в Малых Смешанах ему наваяют как должно; станет Лих тише да покладистей. Ох, хитрая! А мать испугалась, что сына прибьют.

– Пойду, – сказал он, зная, что лупить мальчишек не будет, а потолкует с их отцом и дедом.

Встал с лавки – высокий, сильный, непривычно гибкий и ловкий.

Песик Ясный твякнул из-под стола: куда, мол, хозяин, на ночь глядя?

А мать метнулась вон из горницы, загремела чем-то на веранде. Лих ожидал: взяла коромысло, чтобы дать в лоб непокорному, и приготовился отбить удар. Однако едва шагнул через порог, как в лицо шарахнуло водой.

Сестры в горнице завизжали.

– Сказано: дома сидеть! – прикрикнула мать, отставляя пустое ведро.

Лих потряс головой, слизнул воду с губ. Вода в их колодце вкуснющая, но холодная – смерть.

– Мать, зачем ты?...

Она лишь кулаком погрозила – исцарапанным, в ссадинах.

Лих побрел к себе, оставляя мокрый след. Одежда холодила тело, и оно становилось медленным и неуклюжим.

В комнате, не зажигая свет, он плюхнулся на лавку под окном, стянул липкую рубаху. Отстегнул нож с пояса. Руки едва шевелятся. А надо еще разуться и выбраться из мокрых, намертво прилипших штанов. Это уже не по силам. Лих сидел под открытым окном, растерянный, уничтоженный. Снаружи тянуло вечерней прохладой, и его передергивало, от ног вверх ползла ноющая боль.

На что, к хорям, такая жизнь?! Не зря, видно, мать с отцом дали имечко: Лихолет. Не так много лихих лет прожил, а уже тошно. Семью защитить не смог, до обидчиков не добрался, ручей и тот не одолел. Наказание, а не жизнь.

Лих потерял слепнущие от холода глаза. Мог бы – заплакал; но на трезвую голову плакать он не умел. Вот коли хватить крепкой браги, перед тем не поев, – тогда что-то в Лихе меняется, и камень, из которого он сделан, превращается в мягкую глину. Тогда поселяется в душе пьяная радость, и умиление, и жалость к себе, и любовь ко всем девкам, что есть их в обоих Смешанах. Так бы и расцеловал каждую, да притиснул в укромном углу. Не обидел бы – обласкал. А коли к девкам нельзя – Марийка обидится! – так хоть всплакнуть можно себе в удовольствие. Слезы наружу и гнать не надо – сами из глаз с охотой катятся... Лих терпеть не мог себя пьяного, потому в рот не брал ни брагу, ни пиво, ни медовуху.

В комнату заглянула сестрица Румяна:

– Лишек, иди обедать. Мамка зовет. А наутро будем цветы поправлять, лады?

Лих промолчал. Занемевшими губами не ответишь по-человечески, незачем и стараться.

– Лишек! – строго окликнула сестрица и, не дождавшись ответа, ушла. – Лих не идет, – доложила она где-то. – Есть не хочет.

И эту-то дурищу бабка Люта кличет умницей, каких свет не видывал. Тьфу.

Цепляясь одной рукой за подоконник, другой – за лавку, Лих повернулся к окну, чтобы глянуть, как там разоренный цветник. В сумерках ничего не различил – словно серые тряпки накинаны на земле. Лих разглядел только забор: ровная светлая полоса. За ним липы стоят, скрывают дома ближайших соседей. И еще одно Лих увидел, смутное и непонятное. Над забором, на темном фоне лип, безмолвно плыло нечто белое, двухголовое. Лих сказал бы: всадник на лошади, да стука копыт совсем не слышать. Лишь звякнула цепь, как уже было сегодня.

– Эй! – позвал он чуть слышно. Собрался с силами. Громче: – Эй, кто ты?

Белый двухголовец проплыл над забором и исчез.

Глава 2

Наутро стали выяснять: кто раньше света поднялся и прибрался в цветнике? Собрал поломанное, подвязал помятое. Румяна с Кариной и хотели бы похвалиться, но их мать позже всех добудилась. Бабка Люта? У той с вечера в спину вступило, она по клумбам не ползала – не могла. Неужто Лих? Нет: в мокрый цветник он бы до восхода не вылез. Его туда палкой не выгонишь! Ну, не мать же, в самом-то деле. Ей что – забот других нет, кроме как ночью в собственном цветнике тайком шастать? Так и не выяснили.

Лих не стал рассказывать про вчерашнее, чтобы никого зря не пугать. И потихоньку улизнул с огорода, где сестры принялись полоть гряды с зеленью, а Лиха ожидали расплодившиеся улитки. Собирать их – не женское дело, сестрицы от одного вида жирных рогатых тварей визжат. Правда, бабка Люта улиток собирает и давит с удовольствием, но ведь ей в спину вступило, бабка лежит да охает. Поэтому она не видела, как Лих улизнул.

Он двинулся к колдуну. Расспросить надо про каменицу да про стеклянное-белое, цепью звякающее. И заодно посоветоваться, как вообще быть. Нужен, очень нужен Лиху добрый совет.

Его дом стоял на окраине, а дом Мария – еще дальше, за ореховой рощей. Жил колдун на особицу, в дела сельчан без нужды не вмешивался, помогал людям охотно, сам о помощи не просил. Колдун – он и есть колдун, зачем ему человеческая подмога?

Лих шагал по проселку, радуясь ясному небу и теплему солнышку. Вдоль проселка стояли клены, в тени на траве еще лежала роса. Лиху она была не страшна: он надел башмаки. Правда, они сырые после вчерашнего, да это не беда. Главное – дождя нет. Вот он и радовался.

На дорогу выступил белый конь. Чудной: сам ростом не вышел, а грива и хвост – до земли; ноги тонкие, как у жеребенка; глаза большущие, черные и блестят. И сам блестит, будто из стекла сделан. А конского запаха нет, и мухи с оводами над мордой не вьются. Чисто игрушка, большая да бестолковая. Того и гляди, побьется-поломается.

Коняшка остановился, прядая ушами. Лишь тут изумленный Лих заметил, что на спине у коня – всадник. Белый плащ шит серебром – не богато, едва-едва узором сбрызнут. Штаны с камзолом, или как там оно у господ называется, тоже белые; и даже сапоги из тисненой кожи белоснежные, ничуть не замаранные. А вокруг пояса стальная цепь намотана, свободным концом достает до колена.

Как же тонконогое стеклянное чудо еще и наездника держит?

– Приветствую вас, господин Лихолет, – звонко сказал всадник.

Лих решил, что его хотят оскорбить. Затем подумал, что насмехаются. Потом пришло в голову, что это не всадник, а переодетая всадница, и следует быть повежливей. Мало ли, для какой надобности знатная дама парнем прикидывается.

– Здравствуй, гос... – Он чуть не ляпнул: «госпожа», но спохватился: – господин хороший.

Пожалуй, все-таки и впрямь господин.

Молодой. Очень пригожий. На кой хорь такая красота, когда парня за девку можно принять? В тонком, гордом лице – ни кровинки, сквозь кожу на лбу жилки просвечивают. Белые волосы серебряным шнуром прихвачены, чтоб в глаза не лезли. Темные брови точно мастером нарисованы, на верхней губе – светлый пушок пробивающихся усов. А глаза у незнакомца серые, как дождевая туча, и смотрят жестко и холодно. Впрочем, чудной пришелец глядел не на Лиха, а на проселок у него за спиной. Лих обернулся посмотреть, кто там есть. Проселок был пуст, одни клены по сторонам стояли.

– За тобой никто не увязался? – огорошил чужак вопросом.

Простое «за тобой» Лиху пришлось по душе куда больше, чем нелепое «приветствую вас» и «господин Лихолет».

– Я тайком сбежал. Ни одна собака не видела.

– Хорошо, – кивнул незнакомец.

На руке у него был перстень с прозрачным, как вода, камнем, а больше никаких украшений – если не считать серебряного шнура на волосах и цепи на поясе.

– Я искал тебя, – сообщил чужак. – Ты мне нужен.

Любому другому Лих ответил бы, как полагается, и ушел. Но этого чудака на стеклянном коне можно было и выслушать. Тот сообразил, что начал разговор неудачно, представился:

– Меня зовут Эр.

Что за имя такое неслыханное? Откуда он – из-за моря? Но говорит по-здешнему чисто. Тогда – с гор? Люди болтают: в горах хорь знает кто водится; может, там и стеклянные коняшки обитают? Лиха тянуло потрогать диковинную животину, однако он удержался. Спросил:

– Откуда ты?

– С неба, – ответил Эр.

Соврал: по глазам было видно, что врет. Опустил взгляд, не посмел Лиху в лицо прямо смотреть.

И опять от кого другого Лих бы ушел, но сейчас не стал торопиться.

– Что ж тебе надо, Эр с неба?

Чужака задела насмешка.

– Я – Эр-Ветер, – объявил он гордо.

– Ветренный – то есть, до девок охочий?

Пришелец вскипел, грозовая туча в глазах сверкнула молнией. Лих ожидал: гром прокатится.

– Я тебе не... – Эр-Ветер осекся. Потеребил повод коня. – Лих, я пришел за тобой. Я уже год ищу... – он запнулся, умолк.

– Ты целый год разыскивал меня? – переспросил Лих, недоумевая. – Зачем?

– Тебя здесь убьют, – проговорил Эр-Ветер, опустив голову.

Лих рассердился. Двух десятков слов не сказал – а соврал дважды! Так, видно, у вельмож заведено. Что ж, честные селяне им не попутчики.

– Проваливай, – Лих обогнул коня и зашагал своей дорогой.

Да вскоре раскаялся. От стеклянного чуда ушел – не потрогал. И чудака светловолосого не выслушал; хоть бы складным враньем позабавился. А впрочем, Эр-Ветер врал нескладно. Стеснялся, видать.

На краю ореховой рощи, за которой стоял дом колдуна, Лих оглянулся. Стеклянное чудо шло следом. Малорослый коняшка шагал, свесив голову, подметал траву длинной гривой. Так же понуро сидел в седле всадник. Чисто генерал разбитой армии, про которого Лих в книжке читал.

Он подождал, пока Эр-Ветер приблизится. Стука копыт не слышать – удивительный конь будто не по земле ступает, а плывет в воздухе. Ногами перебирает для виду, чтобы люди не пялились.

– Ну, что тебе? – спросил Лих, жалея нового знакомого. До того уныло они с коняшкой тащились, что не пожалеть было нельзя.

Эр-Ветер снял перстень с прозрачным камнем, протянул Лиху:

– Возьми.

Лих подавился воздухом. На его-то корявые руки – перстень?! Эта цапка даже на мизинец не налезет. И вообще – на кой хорь?

– Ты с ума своротил?

– Возьми, – повторил Эр-Ветер. – Это не простой камень.

– Алмаз, что ли?

Алмазов Лих отродясь не видел, но в книжках читал, как разбойники их у Подземного-Каменного похищали. Разбойники через камни лютую смерть приняли, а алмазы по миру разошлись, принесли людям многое горе.

Поколебавшись, он взял у Эр-Ветра перстень, покрутил в руках. Камень вроде бы и прозрачен, как вода, но не так уж и прост. Подобно глазам колдуна Мария, цвет обретает: то зеленоватым блеснет, то синим, а то внутри красная искорка зародится, подмигнет пару раз – и погаснет. Лиха потянуло принять подарок. Хотя где это видано – от чужаков дары брать? Неизвестно, чем придется отдаривать.

– Это слеза Подземного-Каменного, – сказал Эр-Ветер.

– Подземный-Каменный плакать не может, – возразил Лих. – Ему там, под землей, брагу не дают.

Эр-Ветер удивленно моргнул.

– Вот как? Впрочем, тебе виднее.

Лих засмеялся и простил прежнее вранье.

– Забирай, – он хотел вернуть перстень. – Куда он мне? Людей смешить?

– Подержи немного. И послушай меня, будь ласков.

Звякнув цепью, Эр-Ветер соскользнул с коня наземь. Юный князь, да и только. Невысокий, но стройный, гибкий, руки холеные.

– Зачем тебе цепь? – полюбопытствовал Лих.

– У земли держит. Чтобы ветром не унесло.

Да: эдакого может и унести, если посильней дунет.

– Я год разыскивал таких, как ты, – начал Эр-Ветер. – Пятерых отыскал, звал с собой. Все отказались. Ты – последний, кто есть... кто остался в живых.

– Погоди. Ничего не разберу. Каких – как я?

– Каменных, – ответил чужак. И умолк, будто сказал все необходимое.

Это Лих – каменный? Ну, да, бывает – от холодной воды. Мало ли, чего с кем бывает. У бабки Люты вон в спину вступает – так она сутками лежит, встать не может, как деревянная.

– И отец твой был каменный, – добавил Эр-Ветер, – и его отец – тоже.

– С чего ты взял?

– С неба многое видно.

– А оттуда не видно, как за вранье зубы вышибают?

Эр-Ветер улыбнулся, коротко и безрадостно; зубы у него были ровные, белые, будто из жемчуга выточенные. Краше, чем у Лиха, хотя у него-то были зубы отменные; Марийка шутила: лучшие в селе.

– Твоя бабка деда видела, а не ведает, куда сгинул. Они свадьбу не играли, не успели. Он огулял ее – и пропал, будто не было. Скорей всего, утонул где-то. Знаешь ведь сам, да? И каково ей пришлось, пока ребенка носила.

Лих знал. Лютая бабка не раз поминала, что Заряна ребенка без мужа прижила и выносила его колдовским способом: варила суп из камней, глину ела, песок. Оттого он и каменный. И Лих такой же, в отца уродился.

– Мало вас, потомков Подземного-Каменного, – продолжал Эр-Ветер. – То есть, в здешних краях было мало, а теперь совсем не осталось. Пятерых, кого я нашел, убили. Этот владыка нынче у князя в немилости. И правнуки его здесь ни к чему.

– Кому от них вред?

– Князю.

– Эр, не смейся! Князь – во-он где, – Лих махнул в сторону далеких гор, у подножия которых лежала столица, – а я – тут. В селе. Чего ему меня бояться?

– А того бояться, что захочешь – дойдешь до Подземного-Каменного.

– На кой хорь?

Эр-Ветер развел руками:

– Не знаю, на кой. Мне дед сказал: отыщи каменного и отведи к подземному владыке.

Дальше он сам разберется, что делать.

– Я разберусь?

– Ты, кто ж еще? Говорю тебе: прочих убили. Они ближе к княжьим людям были, те быстрее и добрались. И до тебя доберутся, если будешь сиднем сидеть.

Лих потряс головой. Он не знал, поверить или плюнуть в глаза и уйти.

– Ладно. Князьи люди убили тех, дальних; а мой отец? Тут чужаков зимой не было, когда он в речку упал.

– Свои были, – неохотно выговорил Эр-Ветер. – Столкнули твоего отца в воду; не сам он на мостке наворачнулся. И следы на снегу оставались, да их затаптали, когда народ набежал.

Да: лежал снег. Редко он выпадает, а тогда насыпался, как на заказ. Выходит, следы можно было распутать...

– Откуда ты это знаешь?

– Я же сказал: с неба видно. Мой дед – Воздушный-Ветренный. Он все знает, что внизу творится. Только мало рассказывает.

– Кто убил? – спросил Лих, чувствуя, как внутри становится горячо.

Эр-Ветер отвел взгляд.

– Дед не сказал. Ему-то все едино...

– Врешь. Кто?

– Не знаю!

Лих отвесил затрещину. Двинул бы в челюсть – вышиб бы зубы, как полагается за вранье. Однако пожалел, не стал уродовать красавчика. Тот на ногах не устоял – в траву брякнулся, только цепь зазвенела.

Взвился на дыбы стеклянный конь.

Эр-Ветер вскочил с криком:

– Гордец, нельзя!

Коняшка прошелся на задних ногах, болтая передними в воздухе, будто представлял в цирковом шатре. Лих отшатнулся. Копыта стеклянного чуда выглядели очень даже увесистыми.

– Он бы проломил тебе башку! – Эр-Ветер схватил коня под уздцы, погладил, успокаивая: – Тихо, тихо. Хороший зверь. Молодец.

– Разве конь – зверь? – спросил Лих. Он пытался решить, как быть дальше: то ли верить, что бы ни городил светловолосый чужак, то ли не связываться с ним и уйти.

– Гордец – зверь, – сообщил Эр-Ветер. – Если что, он и горло может перегрызть...

Белое, с просвечивающими жилками лицо вдруг сделалось несчастным. Чужак обнял своего коня-маломерку, а коняшка выгнул шею и ласково потыкался мордой хозяину в плечо, будто утешая.

Лиху стало неудобно за то, что распустил руки. К тому же он выронил перстень, который ему дали поддержать. Экая незадача. Он обшарил взглядом траву. Не видно безделушку; придется сейчас ползать на брюхе, землю ощупывать.

– Лих, ты... ты меня выслушай, – запинаясь, начал Эр-Ветер. – Я не со злом явился. Ты прав: дед сказал, кто убил твоего отца. Но он не знает, почему убил. Это настолько нелепо... Проще допустить, что дед ошибся.

– Разве воздушный владыка мог ошибиться?

– Не ошибся – так солгал; это он может. Поэтому я не назову тебе имя. Ты пойдешь разбираться кулаками; а вдруг не к тому, к кому надо?

– То есть убийца может жить спокойно, в ус не дует? И наказания не дождется?

– Дождется, если ты мне поверишь. Слушай. Наш князь не понимает, что делает. Когда он призывает забыть древних владык и обратиться к новому, которого сам же придумал, он воображает, будто древние умрут, а новый народится. Потому что люди станут в него верить, и эта вера якобы даст ему силу. Но князь не властен над всем миром. Под его рукой – одна страна, и та меньше, чем ему кажется. А древние владыки – везде владыки. И в столице, и в твоём селе, и за морем. Они не сгинут оттого лишь, что полстраны их забыло. Ну, пусть даже вся страна. Если князь люди повырежут самых ярых противников, оставшиеся поверят во что угодно. Допустим. И что будет с владыками?

– Плюнут и уйдут. – Сам Лих так бы и сделал.

– Верно. Они забудут народ, который от них отказался. Дед сказал: он первый перестанет заботиться, тучи гонять. Водяной-Текучий тоже не сильно к людям близок. Он быстро прекратит за реками да ключами следить; реки обмелеют и затинятся, ключи бить перестанут, колодцы загниют, пересохнут. Лесной-Дарящий, конечно, дольше других будет людей жалеть, лесом да зверьем одаривать. Надолго ли леса хватит? Вырубят, выжгут, зверя дикого выбьют.

– А Подземный-Каменный – он что?

– А за подземного я не знаю. Ты – его прапраправнук – что ты можешь о нем сказать?

Лих развел руками. Ничего толком о предке ему не известно. В книжках одно написано, в сказках говорится другое.

– Может, земля держать перестанет? – предположил он. – Размякнет, станет как мокрая глина или зыбучий песок. Уйдет в нее вся страна, с князем вместе. Затонет по самую крышечку. А сверху новая корка схватится. И на ней будут новые люди жить, которые от соседей придут. Которые владык чтити. – От нарисованной картины самому стало тошно, и он спросил о другом: – Эр, коли ты – человек небесный, почему о земле печалишься?

– Я на ней живу. И мать моя... тоже. И... сестры с братьями...

Эр-Ветер так запинаясь, так неуклюже врал, что Лиху было неловко слушать. Потоптавшись, он вздохнул, простил вранье и спросил дальше:

– А я что могу сделать? Если приду к Подземному-Каменному?

– Я уже говорил: понятия не имею. Дед велел привести к подземному владыке кого-нибудь из потомков. Дескать, это поможет.

– А дедушка твой не соврал? Ты сам сказал: он горазд шутковать.

Эр-Ветер потряс головой:

– Не в таком деле. Я к нему... я его звал в день, когда... – он смолк, мазнул пальцами по щеке, отирая неожиданную слезу. – Я тебе потом расскажу.

Лих прикинул: парень год разыскивает попутчика, чтобы явиться к подземному владыке. Выходит, уже год как случилось то, о чем он и сейчас плачет.

– Мать с сестрами живы? – Вопрос вырвался – будто скользкий, только что пойманный угорь из рук выпрыгнул.

– Нет, – прошептал Эр-Ветер. – Никого не осталось.

Сил не было на него смотреть. Лих смерть отца уже пережил, переболел. Ему легче было – он каменный. К тому же по весне он Марийку обрел; да и мать с сестрицами, с бабкой Заряной у Лиха остались. И пес Ясный. А у этого бедолаги – один конь.

Сев на корточки, Лих принялся шарить в траве. Надо перстень найти. Эр-Ветер сокровище не для того отдал, чтобы Лих его тут же посеял.

В его небыструю голову пришла следующая мысль, очень важная.

– Эр, но если мне с тобой идти, как же мои-то останутся? Мать с сестрицами пропадут. Вон Огневичи – экую пакость вчера учудили; дальше-то хуже будет.

– А ты вчера чем помог? – отозвался Эр-Ветер. – Тем, что в ручье мало не умер?

– Если б я дома был, Огневичи бы не сунулись.

– Еще как сунулись бы поганцы. Ты просто не знаешь, как бывает... Что ты ищешь?

– Перстень обронил, вот и ищу.

– Растеряха. – Эр-Ветер присел на корточки и принялся быстро-быстро охлопывать траву ладонями. Так у него ловко получалось – словно музыку выбивал; еще и цепь в лад позванивала. – Не пропадут твои, не бойся. Мать замуж выйдет, за отца своих дочек. При тебе постесняется, пока год не прошел со дня смерти. А без тебя выскочит.

Лих перестал искать перстень.

– Эр, будет врать. Я устал слушать.

Эр-Ветер уселся в траву, не беспокоясь за белый плащ и штаны.

– Я говорю правду. Вчера, как вы по кроватям расползлись, твоя матушка шасть за дверь – и к милому. Жаловаться, совета просить, ласки искать. А едва развиднелось, вернулась и стала в цветнике прибираться, у отца твоего прощенья испрашивать.

– Что ты брешешь?! – вскипел Лих, и только близость стеклянного коня уберегла Эр-Ветра от новой затрешины.

– Я слышал, как она причитала над клумбами. А ты бы лучше порадовался, что у матери есть человек, который ее сердцем греет.

С этим Лих не стал спорить. Вновь взялся за поиски, нащупал в траве ободок. Выпротстал из травинок. И охнул: чудесного камня в перстне не было. Осталась одна оправа с коготками, которые раньше держали сокровище.

– Камень пропал!

Расстроившись, Лих стал искать заново, пополз на карачках. Да разве камешек сыщешь? Он маленький, плоский. Вывалился и улетел незнамо куда. Может, его уже конь сожрал: вон стоит, траву щиплет.

– Эр, прости. – Отчаявшись найти пропажу, Лих поднялся. – Говорил я: ни к чему мне твой перстень...

– Покажи руку, – попросил Эр-Ветер. – Ту, в которой держал.

Лих протянул ладонь – широкую, жесткую. На ней блестело пятно, точно мокрое. Эр-Ветер вскочил с земли, как будто Лих его дорогим подарком обрадовал.

– Вот где камень, – сказал он, тыча пальцем Лиху в ладонь. – Тебе в руку вошел. Признал за своего.

Лих уставился недоверчиво. Конечно, с утра рука была как рука, безо всяких там пятен. Но чтобы камни такие коленца откалывали? Раз – и скок в человека? А впрочем, сказал же Эр-Ветер: это – слеза Подземного-Каменного. Может, и впрямь за родного признала?

– И что теперь будет?

– Теперь ты точно со мной пойдешь, – просиял улыбкой Эр-Ветер. – Мне перстень отец дал. Говорил: он подскажет, когда я найду того каменного, который сумеет помочь.

Лих сообразил: отец Эра – сын воздушного владыки и вполне может обладать всякими чудесными штуковинами. Кроме того, выходит, его отец жив, раз напутствовал в поисках.

– А это куда? – Лих предъявил осиротевший без камня перстень.

– Сестренкам подаришь, пусть кукол своих наряжают.

Лих сунул цапку в карман. Сестрицы в куклы уже не играют, а из-за безделушки, одной на двоих, лишь поссорятся.

Эр-Ветер, очень довольный, взял коня под уздцы.

– Идем к колдуну? Ты ведь к Марию шел?

Лиху не хотелось вести белоснежного красавчика Марийке на погляд, однако не гнать же прочь. Пускай идет. Марийка на него в один миг не перекинется, а если Эр себе чего позволит, Лих быстро объяснит, что к чему.

Эр-Ветер улыбнулся, словно прочел его мысли, и повел коняшку по тропе через рощу, коротким путем. Так уверенно двинулся, будто не первый раз ходит. А может, и в самом деле не первый, размышлял Лих, шагая позади и глядя на коняшкин хвост, метущий землю. Эр всю ночь караулил: и за матерью подглядел, и к колдуну мог наведаться.

Сегодня у Мария волшебство не творилось. Ставни в доме были распахнуты, и тетка Белана кормила обитавших в выгородке цыплят. Уже не желтые пуховички, а рябые голенастые подростки толпились у плетеной стенки, жадно клевали зерно, всей оравой подавались туда, куда она бросала новую горстку.

– Здравсьте, теть-Лана, – пробормотал Лих, робея перед Марийкиной матерью.

Красавица Белана не спеша повернулась. На русых волосах короной смотрелась кружевная косынка, на белой блузе голубели вышитые цветы, синим водопадом струилась шелковая юбка, из-под которой виднелись белые башмачки. Видать, куда-то собралась, раз такая нарядная.

– Здравствуй, Л... – Белана запнулась, зерно посыпалось цыплятам на спины. – О-о, кто к нам прише-ел! – пропела она. И громко позвала: – Марийка! Поди сюда! У нас гость!

Так и сказала: «гость», а не «гости». Вредная тетка.

Эр-Ветер поклонился хозяйке, назвался. Белана поставила на лавочку плошку с остатками зерна; на лавку тут же откуда-то слетел разноцветный петух, примерился к угощению и принялся нежным «ко-ко-ко» созывать кур. Те поспешили со всех концов двора, пролезая в дырки под забором, словно кошки.

На крыльцо вышла Марийка. Красивая – страсть; у Лиха аж сердце зашло. Марийка с самой весны день ото дня становилась все краше, а сегодня была особенно хороша. Алый шелк платья прикрыт белым кружевом, на груди сверкают цветы, сделанные из кружева с бисером; смоляные волосы перевиты красной лентой. Увидев Эр-Ветра со стеклянным конем, Марийка изумленно распахнула свои черные, как ночь, глазищи – и кинулась с крыльца.

– Гости-и! – взвизгнула она, подпрыгнула и повисла у Лиха на шее. – Ух, какие гости у нас! – она звонко чмокнула его в подбородок и спрыгнула наземь, обернулась к Эр-Ветру: – Здравствуй, снежный чужак.

– Его зовут Эр-Ветер, – сообщил Лих, потому что Эр молчал: стоял столбом и глядел на Марийку.

В его серых, как дождевая туча, глазах было что-то такое, отчего она смутилась и взяла Лиха за руку.

– Идемте, – Марийка указала на увитую плющом беседку в углу двора. В ней зимой и летом колдун Марий принимал гостей, никогда не приглашая их в дом. – Морс будем пить. Или брагу? – предложила Марийка. – Эрик, хочешь браги?

– Не хочет, – усмехнулась подошедшая Белана, взяла у Эр-Ветра коня. – Чем коника угостить? Хлебом?

– Белым, – отозвался Эр-Ветер, выпуская из рук повод и не отрывая взгляд от Марийки. – Ему черный нельзя.

Белана засмеялась, как будто услышала хорошую шутку, и повела Гордеца к коновязи у ворот.

– Пойдем, пойдем, мой хороший, – ворковала она, и коняшка послушно шел, как за мамкой.

– Марийка – моя невеста, – вполголоса, чтобы не донеслось до Беланы, сообщил Лих. Чуюл же, что не след вести сюда чужака. Марийка сразила его наповал; не хватало, чтобы и он

ей глянулся. Свадьба-то – дело еще не решенное. Лих с Марийкой между собой стоворились, однако с родителями про то ни слова не было сказано.

– Эрик, что ты так смотришь? – Марийка боком прижалась к Лиху.

– У моей невесты было такое же платье, – отозвался Эр-Ветер.

– Бедный ты мой, – с неожиданной жалостью проговорила Марийка и погладила его по руке. – Идите в беседку. Я сейчас.

Она убежала в дом, и туда же ушла Белана. На лавке вокруг площадки с зерном суетились куры, хлопали крыльями, толкались. Стекланный конь смиренно стоял у коновязи, тянулся мордой к земле, что-то вынюхивал, как собака.

– Идем, – подтолкнул Лих Эр-Ветра. Все же он был здесь если не хозяин, то почти свой, Марийкин будущий муж. А Эр – со всех сторон гость.

– Марийка похожа на мою Даринку, – сказал тот. – Я как увидел, решил: она... Даринка тоже была красивая. Очень.

«Была». Как же случилась у них эдакая беда, что никого не осталось?

Лих первым зашел в беседку.

– Садись, – указал он на скамью, подковой огибающую круглый стол.

Стол, скамья и вся беседка были сработаны из редкого дерева – розового, с золотинкой, и покрыты резьбой: по диковинным цветам и листьям ползали жучки и бабочки, летали стрекозы и птицы. Беседке со скамьей лет было много, а стол – совсем новый, весной сделанный взамен прежнего, и цветы с живностью вырезал на нем Лих. Колдун то ли его пригласил, то ли не возразил, когда Лих сам предложил пособить, – теперь уж не вспомнить. Но как-то так вышло, что Лих на колдуна поработал, а заодно Марийке глянулся, и сам на нее глаз положил. Она по весне еще девчонка была, а потом вдруг как повзрослела, расцвела – не узнать. Лих нарадоваться не мог, что никто вперед него не успел такую красу разглядеть.

На двор вышла Белана с куском хлеба для коня и лукошком, за ней выскочила Марийка с кувшином и кружками. Лукошко Беланы было полно снеди: черный хлеб с пряностями, сыр, рогалики со сладкой начинкой, плюшки с сахаром, сухарики с цукатами, куски пышного белого хлеба и стекланный кувшинчик светлого, прозрачного меду.

Белана выложила снесь на стол:

– Угощайтесь. Марийка, предлагай. И себя не забудь.

Она указала дочери взглядом место подле снежного чужака, но Марийка уселась возле Лиха, подвинула ему кувшинчик с медом и белый хлеб.

– Лишек, ешь. Макай хлеб прямо в мед. А хочешь – сперва сыр бери. Эрик, не стесняйся.

Лих принялся за угощение, стараясь вести себя скромно. А Эр-Ветер остался к еде равнодушен, ни к чему не притронулся, лишь морс пригубил.

– Вкусно.

– Пей еще, – Марийка хотела подлить из кувшина, но Эр-Ветер прикрыл кружку ладонью:

– Нет. Благодарю.

– Что ты не ешь ни крошки, будто в доме врага? – с шутливой обидой спросила Белана. – Марийка плохо угощает? Или не по нраву что?

– Эр – с неба, – сообщил Лих. – Ему сегодня земную еду нельзя.

Марийка прыснула, схватила сыр и сунула Эр-Ветру:

– Возьми с собой, на завтра. И рогалики тоже.

Он улыбнулся слабой, виноватой улыбкой и покачал головой:

– Нет.

Тогда Марийка деловито сложила снесь в полотенечко, взятое со дна лукошка, и завязала узелок:

– Лишек, возьмишь с собой. Мед не даю – растечется.

Белана поглядела с неудовольствием. Вряд ли пожалела плюшек с сухариками; ей не нравилась склонность дочери к Лиху.

– Теть-Лана, я полотенце верну, – сказал Лих. – Сестриц попрошу постирать и вышить на нем что-нибудь. Шелком.

Марийка захохотала, обняла Лиха за шею.

– Сестры твои – мастерицы аховые. Испортят полотенце такое хорошее. Старенькое, ветхое, в дырках. Станут вышивать – совсем порвут! – Смеясь, она заглянула Лиху в лицо, сделала губами движение, словно целуя. – Ты мне лучше из дерева что-нибудь вырежи. Все равно сидим, пока отца нет. Чем без дела ждать, займись-ка.

– Неси деревяшку. – Лих расцвел, довольный, что может себя показать. Тем более, что рядом с Марийкой он чувствовал себя не каменным, а очень живым и горячим.

Марийка сбегала в кладовку и вернулась с куском такого же дерева, из которого строили беседку – розового, с золотинкой. Шершавый брусочек с виду был неказистый, однако кому как не Лиху знать, какую красоту из него можно сработать. Он снял с пояса нож и принялся за дело.

Белана попыталась выпросить, кто такой Эр-Ветер и откуда. Он отвечал с неохотой, односложно, а потом, чтоб отделаться от расспросов, сунул руку под плащ и вынул украшенную перламутром флейту.

– Я вам лучше сыграю.

Чудесней музыки Лих отродясь не слышал. Флейта пела, смеялась и плакала. Пела о высоком ясном небе, смеялась о солнце с луною и звездами, плакала о земле с непутевыми ее обитателями. В чистых, чарующих звуках Лиху слышалась мечта о несбыточном, боль об утраченном, сон о небывшем. Удивительные переливы заставили разом грустить и радоваться, чего-то желать и бояться желаемого. Внезапно Лих с невероятной ясностью понял, что больше всего на свете он любит Марийку и хочет уберечь ее от всех мыслимых бед. Надо идти к Подземному-Каменному, что-то сделать... Упросить? Уговорить? Заставить? Там разберемся; главное – дойти.

Эр-Ветер отнял флейту от губ, положил на стол.

– Еще! – в один голос вскричали Марийка с Беланой.

– Эрик, пожалуйста! – Марийка протянула через стол загорелые руки, коснулась белых пальцев Эр-Ветра, погладила флейту. – Чудо какое... Сыграй еще, а?

Он убрал флейту под плащ.

Лих вновь принялся за работу. Того и гляди, колдун возвратится, а у Лиха еще не сделано. Крошечные стружки ложились на резной стол, присыпали птиц с бабочками.

– Сыграй со мной, – предложил Эр-Ветер Марийке.

– Я не умею, – отказалась она, обняла Лиха за пояс, показывая, что он ей дороже, чем снежный пришелец.

– Делай, как я.

Пальцами левой руки Эр-Ветер быстро отстукал что-то по столу. Марийка выпустила Лиха из объятий, обеими руками повторила замысловатый стук.

– А теперь – вместе.

Они отстукали в три руки. Марийка засмеялась, ее мать довольно улыбнулась. Ладилось все-таки дело у дочки с пришельцем. Лих сосредоточенно трудился над деревяшкой.

Правой рукой Эр-Ветер взялся за свободный конец своей цепи.

– А теперь – еще раз.

Застучали. Цепь зазвенела, заиграла, как диковинный инструмент.

– Еще! – закричала Марийка.

И пошло-поехало. Быстрый стук легких пальцев, переливчатый звон цепи; к тому же Эр-Ветер начал насвистывать. А свистел он отменно, почти как на флейте играл. Лих заслушался, хоть и разбирала досада, что ничего подобного он сам не умеет и Марийку развлечь так не может.

Наконец Эр-Ветер выпустил цепь, хлебнул морса.

– Славно получилось?

– Чудесно! Эрик, откуда ты такой взялся? – Марийка глядела на гостя во все глаза.

Он пропустил вопрос мимо ушей и обратился к Белане:

– Скажи-ка, добрая хозяйка: жена колдуна сама колдовать умеет?

– Немножко. Как всякая женщина, и чуть больше того. Приворотное зелье я отлично готовлю.

Лих оторвался от работы. Белана не шутила: она искренне предлагала Эр-Ветру сварить зелье для него и Марийки. Лиху кровь бросилась в голову, и руки стали горячие и злые.

Эр-Ветер опустил взгляд; ресницы притушили холодный блеск глаз. Он снова спросил:

– А обратное зелье, чтоб разлюбить, ты умеешь готовить?

– Тоже умею. Но обратное зелье должны пить двое по своей доброй воле. Иначе проку в нем нет.

Лих вернулся к работе. Невеста Эр-Ветра зелье не выпьет, и он ее в один миг не забудет. Но Белана-то какова! Змея, а не тетка.

Марийка сделала вид, будто мать просто так говорила, вообще.

– Я тоже много чего умею, – сообщила она доверительно. – И даже полезного чуточку.

– Человека в мышь превратить можешь? – поинтересовался Эр-Ветер.

– Ага! – радостно закивала Марийка. – Хочешь, сама превращусь?

– Давай.

Она сжалась и пискнула мышью. Снова пискнула и сделалась еще меньше, росточком с ребенка. Лих встревожился: а ну как и впрямь превратится в мышь, а потом назад не сумеет?

– Марийка, перестань.

Он думал обнять ее, помешать колдовству, но она отвела его руку – и пропала. На столе, среди крошек и стружек, сидела серая, с зеленоватым отливом, мышка. Она просеменила к узелку со снедью, мигом прогрызла в полотенечке дырку, вытащила сухарик с цукатами и понесла в пастишке к Эр-Ветру, положила возле руки. Отпрыгнула, когда он хотел накрыть ее ладонью, шмыгнула через стол обратно к Лиху, скакнула вниз, на скамью, – и вновь обратилась Марийкой. Черные глазищи смеялись.

– Здорово получилось?

– Молодец, – похвалила мать. – В следующий раз превратишь Лиха в зайца, чтобы скакал порезвее.

Что он ей сделал дурного? За что насмехается? Лих достал из кармана перстень без камня, примерил к нему свою работу. Почти ладно вышло.

– А если Марийка выйдет замуж, – снова заговорил Эр-Ветер, – она не станет настоящей колдуньей, как отец?

– Стану, – Марийка задрала подбородок. – У меня горшки в пляс пойдут, а веник сам в доме подметать будет!

Белана отнеслась к вопросу серьезно. Задумчиво поглядела на дочь, затем – на Эр-Ветра.

– Если выйдет замуж, она многого не сможет. Так Марий считает. Но я полагаю, что женское счастье важнее колдовских штучек. Хороший муж, здоровые дети... А горшки в пляс она и сейчас легко пустит, – закончила Белана с улыбкой.

Марийка прижалась к Лиху – и будто впервые заметила, чем он занят.

– Лишек! Что это у тебя?

Он закрепил последний коготок оправы и надел перстень Марийке на палец.

– Ах! – только и сказала она.

Вместо чудесного камня переливалась золотинками деревянная роза. Маленькая, но совсем как настоящая, со множеством лепестков.

– Ой, красота... – прошептала Марийка, любуясь перстнем. – Лишек, чудо какое... Вот уж угодил так угодил.

Расцеловать бы ее, такую обрадованную, да Лих не посмел под взглядом Беланы. Очень уж хмуро смотрела на него Марийкина мать.

Донесся перестук резвых копыт, и во двор вкатилась коляска, запряженная гнедой кобылой. На облучке сидел колдун Марий. Коляска с открытым верхом сияла на солнце, будто водой облитая. Лих слышал, что есть такая штука, лак называется, которой можно дерево покрывать, чтобы сверкало и от непогоды не портилось. Вот, значит, как это выглядит.

Колдун бросил поводья, спрыгнул наземь и зашагал к беседке. Белана поднялась мужу навстречу.

– Марий, у нас гости. Лиха ты знаешь, а это – Эр-Ветер...

Колдун стал в проеме, потеснив жену в узком пространстве беседки; Белана неловко плюхнулась на скамью. Марий глядел на Эр-Ветра, и его прозрачные, как водица, глаза обретали цвет ненастного неба.

– Что тебе надо здесь, ветер?

Эр-Ветер поднялся из-за стола, звякнув цепью.

– Я пришел с Лихом. Он хотел говорить с тобой, колдун Марий, – вымолвил он очень отчетливо, и голос при этом странно звенел.

Колдун нагнул голову; рыжие космы струились, будто языки пламени, черные брови шевельнулись сердитыми гусеницами.

– Марий, опомнись, – вмешалась Белана. – Эр-Ветер – наш гость.

– Не обижай Эрика! Не то я превращу тебя в веник! – вскричала Марийка, пытаясь обратить все в шутку.

– Уходи, – велел Марий Эр-Ветру. – И позабудь... – губы беззвучно шевельнулись, произнося заклинание.

– Не смей! – взвизгнула Марийка, срываясь с места. Кинулась на отца, дикой кошкой на нем повисла, вцепившись в рубаху.

Колдун стряхнул ее, бросил в руки оторопевшей Белане.

– Сидеть! – приказал, как собаке. – Молчать.

Белана обхватила дочь, удерживая у себя на коленях.

Колдун снова начал свое заклинание, но тут вскочил опомнившийся Лих:

– Ты что творишь, дядь-Марий?! Прекрати!

– Уходи! – закричала Белана. – Уходи, пока жив!

Марийка выкрикнула какие-то слова. Очевидно, волшебные, потому что колдун вдруг унялся, сник, даже сгорбился.

– Уходи, ветер, – повторил он негромко. – И ты, Лих, иди. – Он отступил, открывая путь из беседки.

Ошарашенный, Лих выбрался первым. Снова ставшие бесцветными глаза колдуна были обращены куда-то внутрь, словно Марий слушал свой внутренний голос.

– Прощайте, – сказал Эр-Ветер Марийке с Беланой. – Гордец, ко мне!

Коняшка потрусил к нему, а веревка, которой он был привязан, сама собой распустилась и упала на землю.

У ворот Лих обернулся. Марийка выглянула из беседки, взмахнула рукой, прощаясь. Он махнул ей в ответ и ушел со двора.

– Слышал, что сказала Белана? – заговорил Эр-Ветер, когда они вышли из ореховой рощи на проселок, обсаженный кленами. – «Уходи, пока жив». Она тоже знает, что тебе тут опасно.

В смятении, Лих потряс головой.

– За что колдун на тебя взелся? Что ты должен был позабыть?

– Имя того, кто убил твоего отца... и намерен убить тебя тоже.

– Ма... Марий знает? – от изумления Лих заикнулся.

– Это Марий и есть, – печально ответил Эр-Ветер.

Глава 3

Они шли берегом реки к Малым Смешанам. Лих топал по убитой тропке, а Эр-Ветер, с конем в поводу, шагал по траве. Казалось, ему все равно, где идти – по траве ли, по песку, по болоту; его белые сапоги всюду ступали одинаково легко и не оставляли следов. Одно слово – ветер.

Солнце просвечивало речку до дна, выдавая стаи мальков. Над водой носились синие и зеленые стрекозы, присаживались на листья кувшинок, снова срывались и куда-то летели. Луг вдоль реки дрожал от стрекота кузнечиков.

Впереди уже ясно виднелись белые и красные черепичные крыши, густая зелень садов. Огороды тянулись вдоль реки по другую сторону села; отсюда не разглядеть.

– Марию нужна дочь – колдунья, – втолковывал Лиху Эр-Ветер. – Ты слышал: если она выйдет замуж, настоящей колдуньей не станет.

– Но он ни слова не возразил, когда мы с Марийкой друг дружке глянулись. Ей не запрещал, меня не гнал.

– Нужен ты ему – оттого и не гнал.

– Какая с меня польза? Я узор на столе быстро сделал, а после только к Марийке приходил.

– Для того и нужен – за Марийкой ухлестывать. Чтоб влюбилась она, чтобы женщина в ней проснулась.

– Эр, что ты плетешь? Да ежели б мы с ней чего, чтоб она женщиной стала...

– Тут-то Марий бы тебя сразу прикончил, – подхватил Эр-Ветер без усмешки. – Ничего ты не понял. Родители за Марийкой в восемь глаз смотрели, чтоб не забаловала. Похоже, и заклатье-недотрогу наложили для верности. Колдуну надо было, чтоб душа женская в ней встрепенулась, любви запросила. На обычных парней его дочь смотреть не желает, молодых колдунов поблизости нет. Пришлось обратиться к единственному, кто ей подходит. К тебе. Она и влюбилась, хотя мать явно против. Теперь из нее настоящую колдунью можно сделать. А иначе не получается.

Это Лих уразумел. Из девчонки, которая в куклы играет и ни о чем серьезном не думает, колдуньи не выйдет.

– Ладно. В Марийке что-то нужное объявилось. Но людей-то Марию зачем убивать?

Эр-Ветер остановился, и коняшка потянулся к свежей кротовине у тропы. Земля по краям кротовины зашевелилась, показались и заскребли серые кожистые лапки. Из дырки высунулся крот, подался навстречу коняшкиной морде. Носы сблизились, крот и Гордец вежливо друг дружку обнюхали.

– Что сказал бы твой отец, если б ты при нем за Марийкой приударил?

– Он бы запретил. Отец шибко Мария недолюбливал.

– Воспретил бы, – кивнул Эр-Ветер. – А ты бы послушался?

– Н-нет, – ответил Лих не слишком уверенно. Попробовал бы он отца не послушать, когда тот был жив! А с другой стороны – как бы отец стал ему на дороге? Да за Марийкой Лих на край света бы побежал. На крыльях бы улетел, если что. – Нет, – повторил он решительно. – Не послушался бы.

– Сидел бы ты дома на лавке, водой с головы до пят облитый. И к Марийке бы не ходил. Вот что было б, будь жив твой отец. Марий это понимал и от него загодя избавился. А теперь, когда вы с Марийкой о свадьбе задумались, самое время избавиться от тебя.

– Зачем? Если на Марийке – заклатье-недотрога, на кой хорь меня убивать?

– Никакое заклатье против любви долго не выстоит, – промолвил Эр-Ветер, глядя вдаль, где река исчезала за поворотом.

Впереди, шагах в ста, к берегу приближалась ватага мальчишек. Один тащил большую корзину, а остальные скакали вокруг, махали руками, орали и хохотали.

– Эр, вот ты говоришь: Марий убил. Ладно; я верю. И что делать дальше?

– Есть три возможности: отомстить, простить либо ославить. Что выбираешь?

Лих потоптался, размышляя. Мстить отцу Марийки? Принести своей милушке горе? Нет, ни за что. Тогда – простить? Невозможно. Ославить перед односельчанами? Чтоб они сообща решили, к кому из владык взывать о справедливости? Опять же – Марийке горе. Да и кто поверит словам чужака, пусть он хоть трижды внук Воздушного-Ветреного? Марийто – свой, годами проверенный. Он и людей от хворей исцеляет, и скотину; от пожара дома заговаривает, поля сберегает, волков отгоняет от выпасов. Кто согласится, что такой хороший колдун мог человека сгубить? Люди скажут: каменный сам в речку свалился, нечего на безвинного колдуна напраслину возводить.

– Эр, я не знаю, – сознался Лих.

– Пойдем-ка, – Эр-Ветер двинулся к шумным мальчишкам. – По-моему, они князя славят.

Корзину поставили у воды. Мальчишки скакали рядом, дрыгали ногами, орали и визжали, будто их режут. С полдесятка были в цветных рубахах, ярким шнуром отделанных, – не из бедных семей, из зажиточных. Самый мелкий, в дырявой рубашонке и прохудившихся штанах, не прыгал, а стоял над корзиной, заглядывал внутрь нерешительно.

– Давай-давай! – вопили старшие. – Слава князю! Не трусь! Слава владыке! Новому, всемогущему!

Малец достал из корзины что-то черное.

– Бросай! Как надо бросай, далеко!

– Не смей! – рявкнул Лих, разглядев, что у мальчика в руке. Сорвался бежать. – Башку оторву!

Мальчишка держал за уши черного крольчонка. Крольчонок дергал лапами и тонко визжал; за ором мальчишек его почти не было слышно. Увидев подбежавшего Лиха с Эр-Ветром, малец с перепугу бросил зверька в речку. Ударившись о воду, крольчонок камешком ушел на мелкое, высвеченное солнцем дно. Старшие мальчишки завопили, заулюлюкали. Их было много. Они Лиха не испугались, а уж Эр-Ветра – и подавно.

Смешанка летом теплая, не смертельная. Лих бросился в воду, выловил утопленника, встряхнул его, держа за задние лапы. Зверек задергался, зачихал. Поживет еще, бедолага. Жалкий мокрый скелетик.

Лих выбрался на берег. Вода текла с него ручьями, одежда прилипла к телу. Хоть и прогрело солнце речку, однако ноги быстро наливались тяжестью, шагали неуклюже.

Мальчишки загоготали. Видно, самим себе казались взрослыми и сильными.

В корзине льнули друг к дружке еще три черных крольчонка. Уши прижаты, глаза перепуганные.

– Где взяли кролей, подлецы?! – загремел Лих. – У кого сперли?!

– У твоей мамки! – с хохотом крикнул кто-то.

– У твоей милки! – выкрикнул другой, корча рожи.

– А чего они черные? – начал объяснять малец, которому старшие поручили кроличью казнь. – Все кроли белые, серые. А тут – черные. Таких надо топить.

– А давай я тебя утоплю, – предложил Лих, свирепея.

– Меня-то чего? – Мальчонка попятился.

– Князя восславлю! – Лих поймал его за шиворот.

Малец заверещал; кругом гоготали.

– Топи! Слава владыке! Князю радость! Всех наградит! – вопили паршивцы наперебой.

Малец ругался, молотил воздух кулачками, пытался Лиха пнуть. Мальчишки поми- рали со смеху. Один схватил мальчика за руку и дернул к речке – Лиху помочь, дело ускорить. Лих отвесил внушительную затрещину; гаденыш с визгом покатился по траве, прочие заго- готали пуще. Отменная вышла забава.

Свистнула, рассекая воздух, цепь. Обвилась вокруг шеи самого длинного – в красной рубахе, подпоясанной золотым шнуром с кисточками. Парень выпучил глаза, схватился за горло, захрипел. Эр-Ветер за цепь притянул его к себе. Вмиг стало очень тихо; одни кузне- чики кругом стрекотали.

– Это ты научил кролей топить? – проговорил Эр-Ветер в красное, пухнувшее лицо.

– Хр-рр... Нн-ня-а...

– Ты научил?

– Он, он, – угодливо сообщил кто-то.

– У соседки кролей взял, – добавил другой.

Мальчишки отодвигались, готовые задать стрекача.

Эр-Ветер чуть отпустил цепь, чтобы не задавить парня насмерть.

– Как зовут соседку?

– Зарх-хр... кха-кха! – тот закашлялся – и вдруг нырнул Эр-Ветру под локоть, думая сбежать.

Цепь натянулась, его рвануло назад. Парень брякнулся наземь, хватая ртом воздух, тараша в небо глаза. Эр-Ветер пнул его в бок:

– Я спрашиваю: как зовут соседку, у которой ты стырил кролей?

– Зерцала, – шмыгнул носом малец, которого Лих все еще держал за шиворот. – Тетка моя. Она богатая, у нее кролей много. И все – белые, серые...

– А эти черные уродились! Негодные! – загомонили мальчишки, на всякий случай желая оправдаться. – Не бывало таких отродясь! И не надо нам в селе черных! Только и топить их...

– Черные – самые красивые, – сказал Эр-Ветер с холодной усмешкой. – Редкостные. Это ясно?

– Ясно... Чего не понять... – согласились двое – из тех, что помладше.

А Лихов малец заныл:

– Пусти-и! Я кролей назад отнесу. Тетка узнает – меня выпорют. Пусти-и...

– И князя, выходит, славить не будем? – прищурил глаза Эр-Ветер.

– Не будем! – подтвердили вокруг.

Мальчишки приободрились, по лицам вновь поползли ухмылки. Заводила в красной рубахе начал подниматься на карачки.

– И чего привязался? – забурчал он, когда цепь соскользнула с горла. – Подумаешь – кроли! Чего тебе чужие кроли? Не свои...

А Эр-Ветер нагнулся, подхватил его поперек тулова, шагнул с берега в воду – и забро- сил подальше. Парень бухнулся, взметнув тучу брызг. Мальчишки завизжали, засвистели, грохнули хохотом.

– Водяной-Текучий, сделай милость! – звонко крикнул Эр-Ветер. – Унеси глупость и спесь!

Из речки показалась мокрая башка с прилипшими волосами. Ошалелая морда заво- дилы оборотилась к Эр-Ветру.

– Ты урод! – выкрикнул парень под безжалостный хохот товарищей. – Да я тебе... мой батяка тебя... – Видно, угрозы сочинялись плохо, и он молча полез на берег.

– А рубаха-то – глянь! – вскрикнул кто-то. – Во чудеса!

Рубаха, которая только что была красной, нарядной, из воды выходила тусклая, полинявшая. Краска бежала с нее, текла на штаны, превращая белое полотно в пятнистое. Золотой шнур с кисточками развязался и уплыл по течению. Над рекой звенел дикий хохот и визг.

Лих отпустил мальчика и велел нести кроликов к тетке; вдруг она еще не хватилась? Мальчонка поволок корзину прочь, радуясь, что легко отделался. Старшим мальчишкам было не до него – они животы надрывали, глядя на посрамленного товарища.

Тот поплелся через луг, поддегивая сползающие штаны. Похоже, Водяной-Текучий не один только шнур золотой унес, а еще и веревочку из штанов вытащил. Отойдя подальше, заводила обернулся и крикнул:

– Ты, пришлый, смотри! Мой батька на тебя управу найдет! А тебе, Лих, я красного петуха подпущу! И бабке твоей! – Он бросился бежать к селу. Штаны держал обеими руками.

Красивое, по-девичьи тонкое лицо Эр-Ветра перекошилось, глаза сделались бешеные. Мальчишки порскнули в разные стороны, помчались – только пятки засверкали.

– Эр, стой! – Лих поймал его за руку, понимая одно: коли ветер догонит паршивца – убьет. – Не трожь дурня! Уймись.

Эр-Ветра трясло, белое лицо стало серым, как пепел. Однако он покорился, не стал кидаться в погоню.

– Красного петуха? – процедил он, кривя губы. – Пусть попробует. – Он перевел дыхание, успокоился. – Лих, ты весь мокрый. Дойдешь?

Лих вылил из башмаков воду, прямо на себе обжал одежду.

– Дойду как-нибудь. Не спеша.

Двинулись. Лих ковылял, с тоской размышляя, что путь к Подземному-Каменному долог и всякой воды по дороге встретится немало.

– Я третьего дня проезжал Новые Горенцы, – поведал Эр-Ветер. – Там козу пытали – князя славили.

– Хори поганые! Ты козу отбил?

– Она уже мертвая была, когда я появился. Мальчишки вокруг плясали и песни горлалили. А у бабки, чья коза была, сердце схватило. Она к вечеру померла.

– А мальчишки?

– Им-то что? Бабку не они умертвили. За козу одних пожурили, других постегали... легонечко, без души. Новые Горенцы – село большое. Там князя восславлять очень важно. Кроликами, козами, людьми.

– Людьми – тоже? – не поверил Лих.

– Скоро и до них дойдет. – Эр-Ветер передернул плечами, звякнул цепью.

Светило солнце, поблескивало на воде, сушило на Лихе одежду. Из Малых Смешан, уже совсем близких, доносилось бляение коз, перебранка соседок, смех и визг расшалившихся девок. Потом надсадно залаяла собака, заревели дети, заругались сердитые дядьки.

– Князя славят, – процедил обозленный Эр-Ветер. – Когда к подземному владыке пойдём?

Лиха тянуло присесть, дать отдых тяжелым, ноющим ногам. Как идти, если ноги отказываются служить? Он спросил:

– Эр, твой конь меня выдержит?

– Мне его отец подарил. Гордец может в седле ветер нести... а камень не унесет. Сядь, отдохни.

Лих повалился в траву, скинул мокрые башмаки, принялся растирать ступни. Больно – страсть.

Эр-Ветер полез в мешок, притороченный к седлу. Достал плоскую бутылку черного стекла, с натугой вытащил пробку.

– Глотни. Это поможет.

Лих сделал осторожный глоток. Знакомый сладкий огонь, возвращающий силы и жизнь. Он поболтал бутылку, слушая. В ней плескалась едва ли половина.

– Маловато для длинной дороги. Это все, что есть?

– Увы. – Эр-Ветер тщательно заткнул горлышко пробкой, спрятал драгоценный напиток. – Легче?

Лих кивнул, молча обулся. Надо было потолковать об очень важном, а он не знал, как начать разговор.

Есть старый закон: за спасенную жизнь нужно расплачиваться. Что спаситель захочет, то и отдать, будь это дом, конь, урожай либо деньги. Только людей нельзя отдавать и то, что дороже жизни. Лих так и сяк прикидывал, что может прельстить Эр-Ветра. Нож, отцом даренный? Книжки старые, до дыр зачитанные, которые отец с ярмарок привозил? Душегрейка на меху, почти новая, прошлым годом пошитая? Смешно. До слез смешно, как Лих богат.

– Что тебе покоя не дает? – неожиданно спросил Эр-Ветер.

Мысли подслушивает. Так Марийка умеет, но ведь она – колдунова дочь... зато Эр – внук Воздушного-Ветреного. Смирившись с этим, Лих обреченно спросил:

– Что ты хочешь за спасенную жизнь? – Уточнил: – За мою, – потому что Эр-Ветер сильно удивился.

– За спасенную жизнь разве что-то дают?

– Так положено.

Снежный чужак улыбнулся; слова Лиха его позабавили.

– И что у вас есть, спасенный господин Лихолет? Из чего выбирать?

Придушив уязвленную гордость, Лих собрался назвать самое ценное: нож и песика Ясного. Но сообразил: случись что – дом загорится, к примеру, а Ясный будет внутри – Лих кинется его спасать, о собственной жизни не заботясь. Выходит, нельзя песика отдавать, потому как дороже жизни он получается.

– Ну? – веселился Эр-Ветер. – Что ты предложишь – башмаки или лавку под задницу?

– Лавкой тебе по башке, – не снес Лих обиды. Затем его осенило: – Хочешь, отдам каменицу? Она теперь моя. Потому как была бесхозная, а я ее нашел и ей кланялся.

Эр-Ветер поскущел, улыбка растаяла. И то правда: на что ветру куча камней?

– Я обязательно должен просить вещь? – осведомился снежный чужак.

– Можешь – службу. Но я и так согласен к Подземному-Каменному идти.

– Я бы твоей дружбы хотел, – проговорил Эр-Ветер, глядя себе под ноги. И, смутившись, быстро добавил: – Глупость ляпнул, наверно?

Лих хорошенько подумал, как ответить, чтобы вдвое глупей не вышло.

– Сейчас к бабке Заряне ввалимся, браги попросим. За дружбу тяпнем по кружечке. Лады?

– Лады, – улыбнулся Эр-Ветер. Улыбка отчего-то вышла грустная.

Дом бабки Заряны стоял на краю села, дальнем от речки. Его построили, еще когда Лихов отец был совсем маленький. Наверно, дом ставили так, чтобы каменный малыш до речки не добежал, не утонул, если мать не досмотрит. Это Лих сейчас так подумал, а раньше ему было просто досадно, что бабке далеко воду с речки таскать. И колодец у себя она почему-то не рыла, копанкой обходилась. Прежде Лих в той копанке часто купался; солнце воду в ней грело, точно в котле.

Сад возле дома был замечательный. Вишни, яблоки, груши у Заряны раньше всех поспевали; и дольше всех висели на ветках, не гнили и не падали. Бабка успевала их собрать, даже если никто не помогал. Впрочем, такой несурзацы почти не случалось: Лих всегда прибегал помогать по хозяйству, кроме как в сильный дождь. Крепко он бабку свою любил.

Бабка Заряна, увидев гостей, обрадовалась, засуетилась, кинулась выставлять на стол угощение. Хлеб, сыр, оладьи на меду, козье молоко, крыжовник.

– Гости дорогие, вот славно, что пришли! Я как раз наготовила, а есть некому. Лишек, родной, садись под окно, там солнцем нагрето... Эрик, где тебе лучше? Садись же к столу, что стоишь? Не бойся: там чисто, не замараешь свой плащ. – Бабка наскоро прошла по лавке тряпицей, приобняла Эр-Ветра за плечи, подтолкнула к столу: – Садись, детка. Худой да заморенный – чисто конь у дурного хозяина. Сейчас покормлю. Да! О коне. Чем его потчевать? Белым хлебом? Этого нет, не взыщи. Оладушек дать? На меду. Совсем нельзя? Ладно. Тогда сам ешь, порадуй хозяйку.

Бабка Заряна, даром что старая, была быстрая и ловкая, как молодуха. И платье на ней молодке впору – с цветами да с кружевом, и косынка на седой голове – будто синего неба клочок. И глаза молодые, веселые. А что лицо в морщинах – так на то и бабка она, а не девка на выданье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.